

Вестник Европы

1866 том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1866 том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 700 с.

ISBN 978-5-517-91915-1

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1866 года

ISBN 978-5-517-91915-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

На углу Могилевской и Капоперской, № 7/2.

I.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

«*Źródło tej sprawy, z którego następujące płynęli potoki, wprawdzie tajemne rady skrycie chowane być mają i nie trzeba odkrywać tego, coby na potym przestrzeds nieprzyjaciela miało **».

(Рукон. библіот. Браскис. В. 1. 8).

II.

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ И ВОРЫ**).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Избраніе Шуйскаго въ царя. — Ограниченіе царской власти. — Царскія грамоты
Объясненія съ Мнишвами и польскими послами. — Царское Възвѣщеніе.

19 мая, когда еще тѣло Дмитрія лежало на площади, Шуйскій собралъ бояръ, своихъ единомышленниковъ, и говорилъ:

*) «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ *тайныхъ уммысленіяхъ*, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятеля». (Слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ, 1611 г., по поводу вопросовъ, касающихся смутнаго времени).

**) См. предъидущее въ первой части: «Названный царь Дмитрій», помѣщенной въ том. I и II, мартъ и іюнь 1866.

«Мы совершили единодушно подвигъ праведный, честный, полезный и спасительный для земли; еслибъ только Богу угодно было, чтобъ меньше крови пролилось! Богъ, который земныя царства раздаетъ кому хочетъ, благословилъ наше умышленіе. Теперь, когда вора больше нѣтъ на свѣтѣ, и русскіе люди избавились отъ обольщенія чернокнижника и бѣсоугодника, который всѣмъ намъ отвелъ глаза, — теперь нужно выбирать новаго царя. Родъ нашихъ государей пресѣлся, и надобно намъ поискать въ Московскомъ государствѣ человѣка знатной породы, прилежнаго въ святой восточной вѣрѣ, во всемъ благочестиваго, — чтобъ онъ держалъ невозбранно наши обычаи, чтобъ сіялъ добродѣтелями, подобающими для престола, былъ бы опытенъ и не юнъ, поставлялъ бы царское величіе не въ роскоши и не въ пышности, а въ правдѣ и воздержаніи, не казну бы свою умножалъ, а берегъ бы людское достояніе наравнѣ съ казеннымъ или своимъ собственнымъ царскимъ. Вы, можетъ быть, скажете, что такого человѣка не найти намъ. Но добрый земскій человѣкъ долженъ хотѣть наилучшаго государя, чтобъ онъ по крайности казался такимъ для своихъ подвластныхъ ¹⁾.»

Шуйскій описывалъ такія качества, какими самъ славился. Онъ былъ не молодъ и опытенъ, бережливъ до скупости, и уничтоженіемъ Димитрія доказывалъ свое благочестіе и преданность вѣрѣ и русскимъ старымъ обычаямъ. Бояре сказали, что есть такой человѣкъ въ русской землѣ только одинъ — князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Шуйскій, какъ водится, для виду поломался и согласился.

Бояре и думные люди пригласили властей. Приказали зазвонить въ колоколь, чтобъ собрался на площадь народъ. Поляки, оставшіеся живыхъ, перепугались, услышавши звонъ, — они думали: вѣрно москвитяне собираются перебить насъ всѣхъ остальныхъ. И не прежде отошло у нихъ отъ сердца, какъ узнали, въ чемъ дѣло. По однимъ извѣстіямъ, это было 19, по другимъ 20 мая.

Пока выжидали на площадь архіерея, и бояре стали на лобномъ мѣстѣ — народу бѣжало не мало. Но площадь около лобнаго мѣста предварительно заняли соумышленники Шуйскаго, сотники и пятидесятники войска, подговоренные прежде торго-

¹⁾ De Thou, XIV, стр. 499—500. — Хотя эти слова приводятся такимъ историкомъ, какъ де-Ту, который никогда не былъ на мѣстѣ описываемыхъ событій, но въ нихъ такъ вѣрно отразился характеръ Василія Шуйскаго, что, по нашему мнѣнію, онъ долженъ былъ получить о нихъ свѣдѣніе отъ лицъ, стоявшихъ весьма близко къ событіямъ того времени.

все люди и вообще участники въ возстаніи противъ Дмитрія; вѣроятно, были тамъ и преступники, которые выпущены были изъ тюремъ въ день убійства.

Бояре начали говорить:

«Бывшій патріархъ, Игнатій, былъ слугою и потаковникомъ разстриги. Неподобаешь ему оставаться на патріаршествѣ, и надобно намъ избрать на соборную апостольскую церковь патріарха.»

То былъ только хитрый приступъ! Хотѣли говорить собственно о царѣ, а начали о патріархѣ.

Тогда изъ толпы заговорили:

«Напередъ патріарха, пусть изберется царь на царство, а потомъ уже патріаршеское избраніе произвольно будетъ учинить великому государю.»

Другіе сказали:

«Разослать во всё города Московскаго государства грамоты, чтобъ изъ всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обираія.»

— Для чего выборныхъ людей собирать и ждать! — подхватили третьи. «Невозможно намъ оставаться безъ царя. Благородный князь, Василій Ивановичъ Шуйскій, избавилъ насъ, при Божіей помощи, отъ прелести вражей, и отъ власти богопротивнаго еретика, разстриги; онъ едва было не пострадалъ отъ сего плотояднаго медвѣдя; онъ живота своего не щадилъ за избавленіе Московскаго царствія. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ! Онъ отрасль благороднаго корени царскаго! Родъ его отъ Александра Невскаго! Да вручится ему царство російскаго скипетродержавія!»

Тогда поднялись голоса:

«Пусть царствуетъ надъ нами благовѣрный князь Василій Ивановичъ! Онъ избавилъ насъ отъ пагубы, отъ мерзкаго еретика Гришки Отрепьева ¹⁾.»

Приверженцы Шуйскаго говорили, что народа было множество; но лѣтописцы, передающіе современныя извѣстія, указываютъ, что Шуйскій былъ избранъ не народомъ, а только соумышленниками.

Съ лобнаго мѣста повели новаго царя въ церковь. И тамъ сказалъ князь Василій Ивановичъ:

«По Божію изволенію и по вашему хотѣнію, я избранъ на престолъ Московскаго государства, и нареченъ отъ всѣхъ царемъ. Еще при царѣ Борисѣ, и послѣ него, я принималъ отъ

¹⁾ Ружон Флар. 3.

многихъ обиды и оскорбленія, неправды и гоненія. Я цѣлую крестъ вамъ на томъ, что не стану никому мстить за мимошедшее, и не стану никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора».

Это было условлено заранѣе боярами, которымъ, разумѣется, было пріятно ограничить самодержавную власть государя. Но тутъ же оказались голоса, противные этому нововведенію. «Никогда не творилось у насъ такого, — говорили иные, — не затѣвать новаго государства!» Конечно, Василию было пріятнѣе послушать этого совѣта; но онъ здѣсь былъ боярское твореніе. Отступили бы отъ него бояре — и онъ бы остался безпомощенъ. Онъ не могъ поступать противъ воли бояръ. Василий не послушался тогда оберегателей самодержавія; цѣловалъ крестъ на томъ, чтобъ ему безъ боярскаго приговора не предавать никого смерти, не отнимать вотчинъ и имуществъ у братьевъ и и дѣтей осужденныхъ, а у гостей и торговыхъ людей — лавокъ и дворовъ. Такъ какъ при Борисѣ доносничество стало всею ненавистно, то Василий Ивановичъ обѣщался не слушать ложныхъ доводовъ, но сыскивать нагрѣпно и ставить доносителей съ очей на очи, а кто на кого солжетъ, того казнить.

Послѣ того какъ Василий Ивановичъ произнесъ эту присягу, по составленной крестоцѣловальной записи, присягали все присутствующіе, также по крестоцѣловальной записи, служить и пріять государю, его царю, и дѣтямъ, когда они будутъ, — и не учинить имъ никакого лиха ни зельемъ, ни корнемъ.

Тотчасъ была отправлена во все предѣлы Россійскаго государства грамота, сообщающая русскому народу, что праведнымъ судомъ Божиимъ, за грѣхи всего христіанства, богоотступникъ, еретикъ, чернокошникъ, Гришка Отрепьевъ, назвавшись царевичемъ Дмитріемъ Углицкимъ, прельстилъ московскихъ людей, былъ на московскомъ престолѣ, и хотѣлъ поправить христіанскую вѣру и учинить латинскую и лютерскую. Но Богъ объявилъ людямъ его воровство, и онъ кончилъ жизнь свою злымъ способомъ. Сообщалось во всеобщее свѣдѣніе русскому народу, что у него въ хоромахъ найдены грамоты ссылочныя, воровскія, съ Польшею и Литвою и съ папою: видно изъ нихъ, что папа присылалъ къ нему, для утвержденія въ вѣрѣ законника, который, вмѣстѣ съ Гришкою, также принялъ смерть отъ людей православныхъ. Сверхъ того оповѣщалось грамотою, будто полякъ, жившій при Гришкѣ, объявилъ, что воръ, разстрига, намѣревался везти пушечный нарядъ за городъ, якобы для стрѣльбы, — созвать туда бояръ, дворянъ и всякаго званія людей, и въ то же время приказалъ быть тамъ литовскимъ людямъ въ вооруженіи съ

копьями и пищалями: на видъ для воинской потѣхи, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы всѣхъ бояръ, думныхъ людей и большихъ дворянъ побить. И было росписано у него, кому кого убивать; и была у нихъ дума потомъ захватить Москву и раздарить воеводѣ Сѣндомирскому и его роднѣ города на Руси, чтобы, такимъ способомъ, можно было насильно приводить православныхъ людей въ латинскую и лютерскую вѣру. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что нѣкто Золотой-Квашининъ, измѣнившій царю Ивану Васильевичу и уѣхавшій въ Литву, сказывалъ, что Гришеа поступилъ воеводѣ Сѣндомирскому дать многіе города, а королю польскому отдавалъ Смоленскую и Сѣверскую земли. Въ заключеніе, грамота извѣщала, что совершился выборъ новаго царя всѣмъ Московскимъ государствомъ. Духовные — митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ; бояре, окольничьи дворяне, приказные люди, стольники, стряпчие, дѣти боярскіе, гости торговые и всякіе люди Московскаго государства, били челомъ князю Василию Ивановичу Шуйскому, чтобы онъ былъ царемъ и великимъ княземъ, по степени прародителей отъ Юриева и отъ Александра Невскаго, отъ котораго происходили предки князя Василя, правившіе суздальскимъ удѣльнымъ княженіемъ. Предписывалось въ каждомъ городѣ собрать людей всякаго чина и званія, и духовныхъ и свѣтскихъ, — прочесть эту грамоту, — и они всѣ должны цѣловать крестъ, по крестоцѣловальной грамотѣ, и въ продолженіе трехъ дней слѣдовало служить молебны съ колокольнымъ звономъ ¹⁾.

Эта грамота такъ писалась, чтобы въ каждомъ городѣ обмануть русскихъ людей. Вездѣ тогда могли ложно думать, что всѣ города, исключая того, куда присылался полученный списокъ грамоты, участвовали въ выборѣ новаго царя. Въ одномъ городѣ могли подумать, что хоть изъ него выборныхъ въ Москву, какъ всѣмъ имъ извѣстно, не посылали, но дворяне и дѣти боярскіе этого города и уѣзда его, бывшіе въ службѣ, находились въ Москвѣ, и ихъ слово могло пойти за весь городъ и уѣздъ; въ другомъ — можно было поставить дѣло такъ, что, какъ бы случайно, — только этого города людямъ не пришлось быть на избраніи; не идти же одному городу противъ всей русской земли; и очевидно такому городу, не заявивши своего голоса при избраніи, оставалось только спокойно присоединить свое желаніе къ общей волѣ другихъ городовъ, земель, волостей и уѣздовъ.

Разомъ съ царскою грамотою разслана была грамота отъ бояръ таковаго же содержанія. Бояре увѣрили народъ, что они

¹⁾ Собр. г. гр. II, 804.

всѣ, и другихъ званій люди, дѣйствительно били челомъ Василию Ивановичу принять престолъ, и избрали его московскимъ царемъ ¹⁾).

Для рѣшительнаго увѣренія русскаго народа въ томъ, что бывшій царь былъ Гришка, а не Димитрій, разслана была на другой день, послѣ этихъ грамотъ, грамота отъ имени царицы-инокини Марѳы. Она извѣщала, что тотъ, который царствовалъ и взялъ дѣвку латинской вѣры изъ Польши, не крестивъ ее, вѣнчался съ нею, помазалъ муромъ, и на царство вѣнчалъ, чтобы учинить въ Россійскомъ государствѣ лютерскую и латинскую вѣру, и всѣхъ отвести отъ Бога, — не сынъ ея, а богоотступникъ, еретикъ, Гришка-разстрига. «А мой сынъ Димитрій Ивановичъ (говорила грамота отъ имени Марѳы) убитъ въ Угличѣ передо мною и передъ моими братьями, и теперь лежитъ въ Угличѣ. Это извѣстно боярамъ и дворянамъ. А когда этотъ воръ, называясь ложно царевичемъ, колдовствомъ и черно-книжествомъ пріѣхалъ изъ Путивля въ Москву, за мною долгое время не посылалъ, а прислалъ ко мнѣ своихъ совѣтниковъ, и велѣлъ беречь, чтобы ко мнѣ никто не приходилъ, и никто со мной не разговаривалъ. И когда онъ велѣлъ насъ привести въ Москву, то былъ на встрѣчѣ у насъ одинъ, и не велѣлъ въ намъ пускать ни бояръ ни другихъ кавихъ людей, — и говорилъ намъ съ великимъ прельщеніемъ, чтобы мы его не обличали, угрожалъ и намъ, и всему роду нашему смертнымъ убійствомъ. Онъ посадилъ меня въ монастырь, приставилъ за мной своихъ совѣтниковъ, чтобы оберегать меня, и я не смѣла объявить въ народѣ его воровство, а объявила боярамъ и дворянамъ, и всѣмъ людямъ тайно.» Въ заключеніе, вдовствующая царица возвѣщала, что, послѣ достойной казни вора-разстриги, князь Василій Ивановичъ Шуйскій принялъ престолъ выборомъ всего Московскаго государства, и что она, царица, вмѣстѣ съ другими, била ему челомъ о принатіи царства.

Слушавшіе грамоту должны были вообразить себѣ, что Марѳа принимаетъ участіе въ правительствѣ: грамота эта кончалась общаніемъ жалованья свыше прежняго отъ царя Ивана Васильевича и отъ ней царицы Марѳы ²⁾). Въ какой степени уважалъ царь Василій мать Димитрія — показываетъ просьба ея, обращенная, уже по изложеніи Шуйскаго, къ польскому королю: тамъ инокиня Марѳа жалуется, что Шуйскій даже не кормилъ ее какъ слѣдуетъ.

По способу изложенія, эта грамота могла бы, кажется, про-

¹⁾ Собр. г. гр. II. 300.

²⁾ Собр. г. гр. II. 306.

известіи впечатлѣніе обратное тому, какъ домогался Василій, по крайней мѣрѣ между тѣми, которые случайно видѣли прошедшія событія поближе. Царица говорила, что называвшій себя Димитріемъ, по своемъ приѣздѣ въ Москву, видѣлся съ ней въ первый разъ безъ свидѣтелей: тогда какъ чуть не вся Москва выходила смотрѣть на трогательное зрѣлище свиданія сына съ матерью. Въ грамотѣ говорилось, что разстрига угрожалъ царицѣ смертью, и Марѳа отъ страха признала его сыномъ; тогда какъ, по здравому разсудку, было явно, что не онъ могъ ей угрожать, а она ему, и отъ нея зависѣла его участь и царство. Стоило только Димитріевой матери объявить, что онъ не сынъ ея, и все обольщеніе исчезло бы мгновенно. Въ грамотѣ говорилось, что разстрига прислалъ за нею своихъ совѣтниковъ, тогда какъ въ Москвѣ извѣстно было, что за ней ѣздилъ Михайлъ Своякинъ-Шуйскій, человекъ близкій къ Василію, человекъ рода его, который со вступленія на престолъ не только не былъ сосланъ какъ сообщникъ разстриги, но входилъ въ силу. Въ грамотѣ царица объявляла, что разстрига содержалъ ее тайно, никого не допускалъ къ ней; тамъ же говорилось, что она объявляла о его воровствѣ боярамъ и думнымъ людямъ и всякимъ людямъ; слѣдовательно, она содержалась такъ, что могла видѣться со многими. Одно такое противорѣчіе этой грамоты самой себѣ, казалось, должно было лишить ее довѣрія. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Марѳа дала согласіе на такую грамоту, или она была писана безъ ея согласія. Но видно было, что новый царь не боялся явной лжи и обмана: иначе, онъ самъ не надѣялся бы, что его признаютъ въ новомъ достоинствѣ, послѣ того какъ онъ самъ, при Борисѣ, производя слѣдствіе надъ убитымъ Димитріемъ, показалъ, что Димитрій убилъ самъ себя, — потомъ, при вступленіи названнаго Димитрія, поклонился ему какъ законному царю и заявлялъ, что, вмѣсто Димитрія, убить поповъ сынъ, а настоящій Димитрій живъ и вступаетъ на царство; — послѣ того, наконецъ, какъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ ссылки, былъ близкимъ человекомъ у разстриги. Теперь, послѣ смерти того, кого онъ призналъ настоящимъ, онъ заявлялъ, что оба прежнія его показанія были ложью, и представлялъ русскому народу новымъ, уже третьимъ способомъ это запутанное дѣло: что Борисъ приказалъ убить малолѣтняго царевича, и что царовичъ дѣйствительно былъ убитъ по этому повелѣнію.

Послѣ разсылки грамоты, отправились въ Угличъ: митрополитъ Ростовскій Филаретъ, Астраханскій епископъ Θεодосій ¹⁾),

¹⁾ По житію его видно, что онъ не былъ тогда при открытіи мощей, но, ѣдучи къ Астрахани въ Москву, умеръ на дорогѣ въ Царицынѣ.

два архимандрита: Спасскій и Андроніевскій, бояре: Иванъ Михайловичъ Воротынскій, Петръ Никитичъ Шереметевъ и двое Нагихъ — Григорій Ѳеодоровичъ, братъ царицы, и Андрей Александровичъ. Они должны были перенести мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву.

Въ ожиданіи мощей, новое правительство расправлялось съ поляками. Марина осталась во дворцѣ подъ стражею; съ нею дозволили видѣться воеводѣ. Въ самый страшный день погрома поляковъ, бояре предоставили ему вмѣстѣ съ дочерью поплакать о превратностяхъ судьбы своей. Изъ дома во дворецъ, изъ дворца въ домъ его провожали и охраняли отъ толпы, которая, какъ только завидѣла, что Мнишекъ выходитъ изъ дома, бросилась было на него не съ добрымъ духомъ. Когда онъ возвращался отъ дочери, москвичи заглядывали ему въ глаза, любовались его униженнымъ высокоуміемъ и показывали тѣлодвиженіями свое торжество. Съ тѣхъ поръ Марина оставалась во дворцѣ, по однимъ извѣстіямъ до среды ¹⁾, по другимъ — до пятницы слѣдующей недѣли. Въ эти дни Шуйскій приказалъ ей доставлять кушанье отъ воеводы, потому что она не могла ѣсть отъ того стола, который готовился во дворцѣ. Ея собственный поваръ погибъ въ субботу вмѣстѣ съ музыкантами. Наконецъ, бояре, посовѣтовавшись между собою, рѣшили, что ее надобно отпустить къ отцу, но воспользовавшись случаемъ, чтобы взять съ нея и съ отца за тѣ издержки, которыя, ради ихъ, такъ щедро расточалъ повойный царь изъ казны. Пришли къ Маринѣ отъ царя и бояръ и говорили:

«Мужъ твой, Гришка Отрепьевъ, воръ, измѣнникъ и прелестникъ, обманулъ насъ всѣхъ, назвавшись Димитріемъ; но ты, дочь сендомирскаго воеводы, знала его въ Польшѣ, и завѣдомо было тебѣ, что онъ воръ, а не прямой царевичъ; и ты за него вышла замужъ! Теперь, если ты хочешь быть на волѣ и идти къ своему отцу, то отдай и ворота все, что воръ тебѣ пересылалъ въ Польшу и давалъ въ Москвѣ.»

Марина указала имъ на свои драгоценности, украшенія, одежды и сказала:

— Вотъ мой платья, ожерелья, камни, жемчугъ, цѣпи, браслеты. Вы можете взять все; оставьте мнѣ только одно ночное платья, въ которомъ бы я могла уйти къ отцу. Я готова вамъ заплатить и за то, что проѣла у васъ съ моими людьми.

— Мы съ тебя за проѣсть ничего не беремъ, — сказали

¹⁾ Monum. Hist. Russ. 178.